ознакомиться с этой рукописью благодаря любезности И. М. Кудрявцева, которому надо предоставить возможность опубликования ее. За отсутствием немецких оригиналов и даже признаков того, что такие оригиналы когда-либо существовали, нам трудно судить о первоначальном виде рукописей. Но каждая из этих рукописей содержит пролог, являющийся как бы ее отличительным признаком. Такой пролог восхваляет величие царя и уведомляет о религиозном или нравственном поучении пьесы, которая следует за ним. Подпись везде отсутствует, но автора можно узнать немедленно и без всякого сомнения: это никто другой, как пастор Грегори. Конечно, недостаточно признать в нем автора этих прологов и в связи с этим приписать ему и сами драмы, которым они предшествуют, но из всего этого можно извлечь если не доказательство, то предположение его авторства. Но для полной ясности необходимы еще новые исследования и, по возможности, новые документы.

Прежде всего следует постараться отыскать остальные рукописи (на немецком или на славяно-русском языке) произведений, приписанных пастору Грегори. Трудно поверить, что они дошли до нас в столь незначительном количестве, что драма «Товий» окончательно потеряна и что в других пьесах так и будут отсутствовать более или менее значительные части (главным образом конец драмы «Иосиф»). Возможно, что у драм, написанных после «Артаксерксова действа», отсутствовал немецкий оригинал. Автор, видимо, счел излишним трудиться над сочинением на кемецком языке драмы, предназначенной исключительно для русских арителей, которая все равно должна быть переведена на русский язык. Можно себе представить, что он стал сочинять свои произведения сразу на русском языке и писал их сам, прибегая, быть может, к помощи такого сотрудника, как Georg Hübner. Или же он предоставлял одному сотруднику, или даже нескольким сотрудникам разработку одного плана, обрисованного им в общих чертах: в таком случае его драмы, по крайней мере частично, были бы сочинены не одним лицом. Но как бы то ни было присутствие Грегори явно чувствуется во всех пьесах приписываемого ему репертуара. В «Юдифи» мы встречаем молодого саксонца искателя приключений, бывшего шведского кавалериста и польского рейтара с его воспоминаниями о передовых постах, об осадах, о шпионах и пленных; в войсках Голоферна П. П. Пекарский и А. Н. Веселовский узнали польские черты и польский колорит. По-военному звучат застольные песни солдат и типичные рассказы старого служаки о попойках и грабежах в драмах «Юдифь» и «Темир-Аксаково действо»; но тут же одновременно мы опять узнаем пастора, учащего зрителей смирению перед Провидением, которое карает сильных за их надменность, защищает и вознаграждает смиренных, испытав их предварительно, низвергает завоевателей и освобождает народы. В драме «Темир-Аксаково действо» мы встречаем и гуманиста, которому знакома драма «Tamburlaine the Great» Marlow'a, а в «Жалостной комедии об Адаме и Еве» тот же самый гуманист вспоминает немецкие «Paradeisspiele», апокрифические библейские легенды и средневековые духовные песни. Личность автора сказывается в этом репертуаре, где перемешаны разнообразные влияния.

Однако перед нами возникают не разрешенные еще вопросы. Так, например, в какой степени чувствуется влияние традиции английских комедиантов, например в «Юдифи»; или какая связь у «Баязета и Тамерлана» с пъесой Marlow'а (этот вопрос затронут А. Булгаковым, 13

 $^{^{13}}$ А. Булгаков. Комедия о Тамерлане и Баязете. — В сб. «Старинный спектакль в России». «Academia», Л., 1928, стр. 317—357.